
Анастасия Лейн
ТЕБЯ НЕТ
В ПРОТОКОЛЕ
21:17
18+

Анастасия Лейн

Тебя нет в протоколе

«Автор»
2026

Лейн А.

Тебя нет в протоколе / А. Лейн — «Автор», 2026

Я привыкла доверять цифрам. Они не лгут. В отличие от людей.Мне двадцать. Днём я учусь на инженера, а вечером работаю на заводе. И всё шло по плану, пока в моей жизни не появились двое.Марк Вольский, 35 лет. Мой новый преподаватель. Холодный, сексуальный, сдержанный, с таким взглядом, что хочется нарушить все правила.Даниил Орлов, 27 лет. Мой руководитель на заводе. Внимательный, надёжный. Но почему его забота всё чаще напоминает контроль?Один притягивает, хотя держит на расстоянии. Другой всегда рядом, но словно что-то скрывает.А потом я нахожу в заводских документах следы старой аварии: несостыковки в отчётах, чужие подписи и тщательно спрятанную правду.Оба мужчины знают больше, чем говорят. А я уже не понимаю, кому можно доверять — и кого хочу видеть рядом.Один из них может стать моей самой большой любовью.Другой — самой страшной ошибкой.Но что, если я перепутала их местами?

© Лейн А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Погрешность 5
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Тебя нет в протоколе

Глава 1. Погрешность

Алина

Есть три вещи, которые я ненавижу по утрам: будильник, холодный кофе и людей, уверенных, что опоздание на пять минут — признак морального разложения. В тот понедельник мне досталось всё сразу.

— Да чтоб тебя!

Телефон свалился с тумбочки, когда я пыталась выключить будильник. На экране светилось 7:43. Я моргнула. Потом ещё раз — на случай, если цифры одумаются.

— Чёрт!

В восемь двадцать нужно было выйти из дома, а я всё ещё лежала под одеялом, не помня, где чистая блузка. Я вскочила, зацепилась ногой за зарядку и метнулась к шкафу. Великолепно, Соколова. Новый семестр обещает быть незабываемым.

Накануне я вернулась с завода почти в одиннадцать. Начальник попросил задержаться из-за документации; дома хватило сил только на душ и обещание наконец высыпаться. Обещание продержалось часов шесть.

— Алина! — раздался из кухни голос мамы. — Ты встала?

— Да!

— Завтракать будешь?

— Нет!

— Я сделала сырники!

Я остановилась посреди комнаты. Сырники. Пища богов.

— Пять минут!

— Ты это двадцать минут назад говорила!

Я вылетела на кухню. Пахло кофе и ванилью. Папа сидел у окна в старой серой футболке, которую мама уже третий год пыталась выбросить. Папа отстаивал её право на жизнь с упорством, достойным судебного процесса.

— Доброе утро, инженер, — произнёс он, не поднимая головы.

— Почти инженер, — поправила я, хватая сырник.

— С таким графиком скоро станешь инженером по выживанию.

— Очень востребованная специальность.

Папа усмехнулся. Мама поставила передо мной кофе и окинула взглядом.

— Ты опять легла после полуночи?

— Мам.

— Алина.

Когда мама произносила моё имя таким тоном, оставалось только признать вину.

— Мне нужно было закончить отчёт по практике.

— Ты же вчера работала.

— Одно другому не мешает.

— Ещё как мешает, — вмешался папа. — Особенно когда человек спит по четыре часа.

Я глотнула кофе и обожгла язык.

— Ай!

— Осторожнее, — одновременно сказали родители.

Обожала их способность действовать слаженно, когда речь заходила о моих промахах.

— Сегодня снова на завод? — спросил папа.

— Да. После пар.

Он отложил планшет.

— Может, всё-таки сократишь смены? Второй курс — уже не первый. Начнутся профильные дисциплины, лабораторные.

— Я справлюсь.

— Алина, я не сомневаюсь, что справишься. Вопрос в том, какой ценой.

Папа всегда особенно серьёзно говорил о цене решений после увольнения с «Гранита». Три года назад он был ведущим инженером на крупном предприятии, а теперь ремонтировал оборудование в небольшой фирме. Он никогда не жаловался, но я помнила, каким становилось его лицо, стоило кому-нибудь заговорить о прежней работе. Причины увольнения в нашей семье обсуждали неохотно.

Я знала официальную версию: производственная авария, расследование, ошибки в документации и увольнение. Всего четыре слова для истории, которая изменила папину жизнь. Особенно странно он реагировал на то, что теперь на «Граните» работаю я.

— Мне нравится моя работа, — сказала я мягче. — И деньги лишними не бывают.

— Знаю.

Мне было двадцать. Я хотела сама зарабатывать на свои желания, а не просить у родителей деньги на каждую мелочь. Пусть пока мою самостоятельность можно было измерить весьма скромной заводской зарплатой.

— Ладно, — папа поднял руки. — Не буду читать лекции.

— Спасибо. Мне сегодня их и так хватит.

— Кстати, — мама повернулась ко мне, — у вас же новый преподаватель какой-то?

Я удивлённо подняла брови.

— Ты откуда знаешь?

— Ты вчера Кристине по телефону рассказывала.

— А. Точно.

Накануне Кристина прислала четырнадцать сообщений, три голосовых и расписание с обведённой красным фамилией: Вольский М. А. «Говорят, вообще не улыбается». — «Может, зубы кривые», — ответила я.

«А ещё говорят, очень красивый».

«Значит, с зубами всё нормально».

Потом она нашла в интернете фотографию мужчины в костюме и написала:

«ЕСЛИ ЭТО ОН, Я ПЕРЕСАЖИВАЮСЬ НА ПЕРВУЮ ПАРТУ».

Фотографию я даже не открыла.

— Новый преподаватель по метрологии, — объяснила я маме. — Ничего особенного.

Знала бы я тогда, насколько ошибаюсь, осталась бы дома. И съела ещё один сырник.

На первую пару я опоздала ровно на пять минут. Мировая история знала преступления и пострашнее, но мужчина у преподавательского стола, кажется, уже примерял ко мне уголовную статью.

Обычно аудитория гудела: разговоры, домашки, видео без наушников. Теперь было тихо настолько, что стук закрывшейся за мной двери прозвучал как выстрел.

— Извините за опоздание, — произнесла я.

Мужчина повернулся, и я на секунду забыла, как говорить. Высокий, широкоплечий, в белоснежной рубашке, которая сидела на нём безупречно. В его осанке было что-то непоколебимо спокойное. Он не пытался произвести впечатление — просто смотрел на опоздавшую студентку, и вся аудитория будто ждала приговора. Я, к несчастью, тоже.

Тёмные волосы зачёсаны назад, несколько прядей выбились у виска. Резкие скулы, прямой нос, упрямая линия подбородка. Рот красивый — и явно приспособленный отдавать распоряжения. Но самым неприятным оказались глаза: тёмно-карие, внимательные, совсем не

тёплые. Такие, от которых хочется выпрямить спину, даже если и без того стоишь по стойке смирно.

Он смотрел так, будто уже успел оценить мои способности, характер и перспективы получить зачёт. Ему было за тридцать. И этот возраст, к моему глубокому возмущению, шёл ему.

— Ваша фамилия?

Голос оказался низким, с лёгкой хрипотцой. Отлично. Опоздала на пару — и теперь рассматриваешь преподавателя, словно пришла на свидание. Соберись, Соколова.

— Соколова, — ответила я.

— Имя?

— Алина.

— Отчество?

— Сергеевна.

Пока он искал мою фамилию в журнале, я заметила дорогие часы с тёмным циферблатом. Руки у него были крупные, движения — точные. Пора бы уже смотреть на свободную парту.

— Соколова Алина Сергеевна, — произнёс он, вновь поднимая глаза. — Второй курс. Группа АТП-21.

— Да.

— Значит, аудиторией вы не ошиблись.

С задних рядов послышался смешок. Моё минутное восхищение испарилось. Красивый, значит, ещё не приятный. Кто бы мог подумать.

— Объясните, по какой причине вы решили, что можете приходить на мои занятия в удобное для вас время?

Щёки вспыхнули от злости. Можно было просто пропустить меня, но нет — требовалось публичное воспитательное мероприятие.

— Автобус задержался, — ответила я.

Он посмотрел на меня так, будто решал, верить ли хотя бы одному слову.

— Понятно.

Мужчина посмотрел на часы.

— Пять минут, Соколова.

— Простите?

— Вы опоздали на пять минут. Надеюсь, в дальнейшем вам хватит времени научиться его контролировать.

— Постараюсь.

— Не нужно стараться. Нужно выполнять.

Господи, какой самодовольный…

— Я могу пройти? — спросила я, прежде чем успела сказать что-нибудь ещё.

Его взгляд на мгновение задержался на моих губах. Или мне показалось. Он отступил.

— Проходите, Алина Сергеевна. Но предупреждаю: я не люблю повторять дважды.

Я сжала ремешок сумки.

— Взаимно, — пробормотала себе под нос.

— Вы что-то сказали?

Вот ведь слух.

— Вам показалось, Марк...

Он едва заметно приподнял бровь.

— Марк Андреевич Вольский, — представился он с ледяной вежливостью.

— Запомните. Это пригодится на экзамене.

Я села рядом с Кристиной, всё ещё злясь на него. Кристина немедленно наклонилась ко мне.

— Ты вообще нормальная? — прошептала она.

— Не начинай.

— Он тебя сейчас взглядом расчленил.

— Зато анатомию повторила.

Кристина зажала рот ладонью. Я открыла тетрадь и написала:

«Метрология и технические измерения».

Потом, подумав, добавила ниже:

«Марк Андреевич Вольский. Опаздывать запрещено. Дышать, вероятно, тоже».

Подруга заглянула в тетрадь и снова прыснула.

— Девушки.

Мы одновременно подняли головы. Преподаватель смотрел прямо на нас.

— Я мешаю вашему разговору?

— Нет, — быстро ответила Кристина.

— Очень рад. Тогда, возможно, вы позволите мне продолжить.

Я уткнулась в записи. Сырники сейчас казались прекрасной альтернативой образованию.

Через двадцать минут обнаружилась неприятная правда: Вольский умел преподавать. Не зачитывал с экрана определения и не заставлял конспектировать каждую букву. Он задавал вопрос, дожидался ответа и разбирал его так, что даже самые сонные студенты начинали слушать. Я тоже слушала — вопреки всем своим намерениям.

— Запомните, — произнёс Марк Андреевич, проводя маркером линию на доске. — Прибор не становится надёжным только потому, что его показания выглядят убедительно. Ошибка измерения на производстве — не всегда испорченная деталь. Иногда это остановленная линия. Иногда — травма. Иногда — последствия, которые уже нельзя исправить.

Я перестала рисовать квадратики на полях. На экране появилась схема измерительного контура: датчик, преобразователь, контроллер. Обычная производственная задача.

— Представим, — продолжил он, — что мы контролируем давление в технологическом контуре. Допустимая погрешность измерения составляет половину процента диапазона. Датчик поверен, установлен правильно, передача сигнала исправна. Можно ли считать систему готовой к эксплуатации?

Несколько человек неуверенно кивнули.

— Да, — ответил парень с первой парты.

— На каком основании?

— Прибор поверен. Погрешность соответствует допуску.

Вольский молча посмотрел на экран.

— Другие мнения?

Я нахмурилась. В условиях всё выглядело подозрительно гладко. На заводе идеальные исходные данные встречались не чаще свободного столика в столовой после полудня. Датчик поверен при двадцати градусах, а работать будет при сорока пяти. Но температурный коэффициент никто не учёл. На производстве такой пропуск мог обойтись куда дороже неправильно решённой задачи.

Я подняла руку.

— Да, Соколова?

По тому, как он произнёс мою фамилию, стало ясно: неприятностей он ждал именно от меня.

— А температурная погрешность?

Вольский повернулся ко мне.

— Что с ней?

— Она здесь не учтена.

— Продолжайте.

— Датчик поверен при двадцати градусах. А фактически будет работать при температуре до сорока пяти. Если использовать указанный температурный коэффициент без дополнительной компенсации, отклонение может оказаться больше допустимой погрешности.

Вольский положил маркер. Аудитория притихла.

— Вы хотите сказать, что представленная схема неправильная?

— В таком виде — да.

Где-то сзади кто-то тихо присвистнул. Я услышала, как Кристина рядом со мной едва слышно прошептала:

— Алина, зачем ты опять…

— Вы уверены?

— Да.

— Настолько, чтобы выйти к доске?

Я сжала ручку. Хорошо, проверим.

— Могу.

— Тогда прошу к доске, Соколова.

Кристина смотрела на меня как на человека, добровольно входящего в клетку со львом. Я вышла к доске, ловя взгляды одногруппников. Вольский уступил мне место; вблизи он казался ещё выше. Даже не пришлось оглядываться, чтобы понять, что он наблюдает за каждым моим движением.

От него едва заметно пахло терпким древесным парфюмом. Я крепче сжала маркер. Прекрати нюхать преподавателя. У тебя здесь формула.

— Итак, — произнёс он, — покажите, в чём состоит ошибка.

Я начала расчёт. Вольский остановился рядом — не слишком близко, но достаточно, чтобы я почувствовала себя на экзамене, о котором не предупреждали. Захотелось спорить ещё громче.

— Вы не учитываете дополнительную температурную составляющую погрешности. При указанных рабочих условиях результат может выйти за допустимые пределы.

— Продолжайте.

Я показала расчёт.

— Следовательно, утверждать, что система готова к эксплуатации, преждевременно.

— И что вы предлагаете?

— Проверить условия применения датчика, учесть температурное влияние и повторно оценить суммарную погрешность измерительного канала.

— Уверены?

— Да.

Я повернулась к нему. В тёмных глазах возле зрачков виднелись янтарные прожилки. Нечестно отвлекать студентов подобными деталями.

— Любите спорить?

— Когда уверена в своей правоте.

— Опасная привычка.

— Только для тех, кто ошибается.

На задней парте кто-то подавился смешком. Вольский взглянул на расчёты, и уголок его рта дрогнул. Улыбка была почти незаметной, но неожиданно изменила его лицо: холодная строгость на миг уступила место чему-то живому. Мне тут же захотелось, чтобы он снова нахмурился. С таким выражением было проще спорить.

— Самоуверенно, Алина Сергеевна.

— Обоснованно, Марк Андреевич.

Он тихо усмехнулся и снова посмотрел на доску. Я вдруг поняла: победить его в споре оказалось проще, чем не замечать его присутствия.

— Хорошо. Садитесь.

Я развернулась к своему месту, но услышала за спиной:

— Соколова.

Я остановилась.

— Да?

— В следующий раз попробуйте спорить со мной, не краснея.

Щёки вспыхнули окончательно.

— Я не краснею.

Он выразительно посмотрел на моё лицо.

— Разумеется.

Он отвернулся к аудитории. Невыносимый человек. С невыносимым голосом.

— Я официально заявляю, что ты ненормальная.

После звонка мы с Кристиной вышли в коридор.

— Спасибо за поддержку.

— Первый день. Новый преподаватель. Он выглядит как автор учебника «Наказания за опоздания», а ты поправила его перед всей группой!

— Потому что он ошибся.

— Он специально ошибся!

— Я не могла знать.

— Вот именно!

Кристина остановилась у окна и приложила руку к сердцу.

— А какой он…

— Строгий?

— Красивый.

Я закатила глаза.

— Крис.

— Что «Крис»? Ты видела его?

— К сожалению, да. Почти полтора часа.

— Карие глаза, чёрные волосы, рост под метр девяносто…

— Ты его линейкой измеряла?

— Не мешай мне восхищаться.

Я рассмеялась.

— Он старше нас лет на пятнадцать.

— И что? Красота от возраста не исчезает.

— От характера, похоже, тоже.

— Кстати, о характере. — Кристина понизила голос. — Я вчера кое-что про него нашла.

В поиске чужих биографий Кристина давно заслужила бы олимпийское золото.

— И что?

— Его зовут Марк Андреевич Вольский. Тридцать пять лет. Кандидат технических наук. Раньше преподавал в другом университете, а потом ушёл в бизнес.

— Очень увлекательно.

— У него собственная компания.

Я остановилась.

— Какая?

— Что-то инженерное. «Вектор», кажется. Они занимаются автоматизацией предприятий, техническими проектами, всяким таким.

— А зачем он тогда преподаёт?

— Вот! И мне интересно. Денег у него явно достаточно, чтобы не мучиться с нами.

— Может, любит причинять людям страдания.

— По-моему, тебя он уже запомнил.

— Это взаимно. Особенно его любовь к пунктуальности.

— Нет, Алина, я серьёзно. Ты заметила, как он на тебя смотрел?

Телефон завибрировал. Написал начальник.

«Привет. Сегодня на смену к пяти? Если успеешь раньше, зайди ко мне. Есть вопрос по вчерашнему отчёту».

«Привет! Да, к пяти. Зайду».

— Ты меня вообще слушаешь? — возмутилась Кристина.

— Конечно.

— И что я сказала?

— Что новый преподаватель красивый, богатый, страшный и, вероятно, питается душами студентов.

— Очень смешно.

Я убрала телефон.

— Крис, он наш преподаватель. Мне совершенно всё равно, как он на меня смотрит.

— Ага. Запишу.

— Что запишешь?

— Эту фразу. Потом перечитаю тебе в самый неподходящий момент.

Я толкнула её плечом.

— Иди уже, предсказательница.

Мы пошли к столовой. Впереди были ещё две пары, дорога через половину города и вечерняя смена. К половине пятого я уже стояла у проходной «Гранита». После университетских коридоров запах металла и далёкий гул оборудования казались почти успокаивающими.

Турникет пискнул зелёным. Университет остался за спиной вместе с тетрадями и преподавателями. Здесь никто не интересовался, как я выступила перед группой. Здесь ошибки измеряли не оценками, а деньгами. Иногда — чем-то похуже.

Я переоделась в тёмно-синюю рабочую одежду, собрала волосы в хвост и взглянула на себя в зеркало. Глаза уставшие — зато каска сидит отлично.

— Красотка, — сообщила я своему отражению.

Отражение спорить не стало. На участке гудели станки, рабочие перекатывали тележки с заготовками. Я направилась в технический контроль.

— Соколова!

Даниил Орлов, мой начальник, стоял у стола с документацией. Светло-русые волосы чуть растрёпаны, рукава тёмно-синей рабочей рубашки закатаны, в серо-голубых глазах — знакомая насмешка. Он был по-своему красив: не ледяной, не недоступный, а вполне живой человек, который мог в разгар смены принести кофе и спросить, успела ли я поесть. В отличие от некоторых преподавателей он умел улыбаться без угрозы дисциплинарного взыскания.

— Ну что, студентка, как первый учебный день?

— Если скажу, что ужасно, отпустишь домой?

— Нет. Но могу предложить кое-что получше.

Он протянул мне бумажный стаканчик. Капучино. Без сахара. С корицей. Я улыбнулась.

— Дань, ты идеальный мужчина.

— Я это запомню, Соколова.

Он улыбнулся шире, но взгляд на мгновение стал серьёзным. Даниилу было двадцать семь. Он руководил техническим контролем, отлично знал оборудование и никогда не пользовался должностью, чтобы унизить сотрудника. Когда я только устроилась, он терпеливо разбирал со мной каждую непонятную инструкцию, хотя мог просто отправить к начальнику смены.

Четыре месяца назад именно он помог мне устроиться на сокращённый график. А ещё запомнил, что я люблю капучино с корицей. Иногда я ловила себя на мысли, что для обычного

начальника он слишком внимателен. Особенно когда улыбался мне и на секунду забывал о рабочих документах.

Но говорить об этом не спешила. Служебный роман в мой график точно не вписывался.

— Ты выглядишь уставшей, — заметил Даниил.

— Очень вдохновляющий комплимент.

— Я серьёзно.

— Спасибо, что не сказал «ужасно».

Он усмехнулся.

— Новые преподаватели замучили?

— Один особенно постарался.

— Уже?

— Всего полтора часа знакомы, а у меня уже глаз дёргается.

Даниил рассмеялся.

— Что за предмет?

— Метрология.

Даниил чуть помедлил.

— Новый преподаватель?

— Да. Вольский какой-то.

Я отпила кофе. У Даниила исчезла улыбка.

— Марк Вольский?

Я подняла глаза.

— Да. А ты его знаешь?

Он смотрел на меня так, словно я сообщила о новой аварии.

— Слышал.

— И?

— Ничего.

— Дань.

— Что?

— У тебя сейчас лицо, как у человека, который увидел счёт за коммуналку.

Он коротко выдохнул.

— Просто знакомая фамилия.

Я пожала плечами. Завод большой, поставщиков и инженеров много.

— Ну, если встретишь, передай, что он тиран.

— Почему?

— Он меня сегодня отчитал за опоздание на пять минут.

Даниил посмотрел на часы.

— Алина, ты вчера сама сорок минут объясняла оператору, почему нельзя начинать проверку без подготовки оборудования.

— Это другое.

— Конечно.

— Я была права.

— Не сомневаюсь.

Он улыбнулся, но как-то рассеянно.

— Ладно, — сказал он. — Иди оформляй отчёты. Потом зайдёшь ко мне.

— По вчерашней документации?

— Да. И ещё кое-что обсудим.

— Что именно?

— Потом.

— Орлов, ненавижу интриги.

— А я думал, ты любишь сложные задачи.

— Только те, за которые платят.

— Тогда тебе понравится.

Я рассмеялась и пошла к рабочему месту. Даниил окликнул меня:

— Алин.

Я обернулась. Он словно не решался спросить.

— Да?

— Этот Вольский… Он точно будет у вас вести весь семестр?

— Судя по расписанию, да.

У него напряглась челюсть.

— Понятно.

— Что-то не так?

— Нет. Работай.

Он ушёл, оставив меня в недоумении. Следующие три часа заняли привычные задачи: документы, результаты измерений, повторный контроль деталей. Один рабочий пытался убедить меня, что небольшое отклонение от допуска — это «вообще не страшно».

— Не страшно, — согласилась я. — Пока кто-нибудь не попробует собрать из этого готовое изделие.

Он махнул рукой.

— Ох уж эти контролёры.

— Мы тоже вас любим.

За компьютером было спокойнее. Цифры хотя бы не пытались казаться кем-то другим: вышел за допуск — значит, не годен. Вот бы и для мужчин существовала такая проверка. Перед глазами некстати возник Вольский у доски.

Я открыла новую таблицу. Двадцать семь незакрытых задач, две лабораторные — и совершенно ни одной причины вспоминать преподавателя. Особенно после сегодняшнего допроса.

К восьми я закончила отчёты. На телефоне ждало сообщение Кристины.

«Я НАШЛА ЕГО ФОТО».

На снимке Марк стоял перед стеклянным зданием в чёрном пальто. Подпись сообщала:

«Генеральный директор инженерной компании „Вектор“ Марк Вольский принял участие в промышленном форуме».

Я присмотрелась. В университете он казался человеком, которому просто нельзя перечить. На фотографии рядом с руководителями предприятий становилось понятно: он к этому привык не только в аудитории. Следом пришло сообщение:

«Алин, ты понимаешь, что этот мужик, скорее всего, миллионер?»

«Очень рада за него. Надеюсь, сможет позволить себе немного доброты».

«Ты неисправима».

«Зато поверена и откалибрована».

Кристина прислала смеющиеся смайлики. Я убрала телефон и пошла к кабинету Даниила. В административном коридоре было почти пусто; за знакомой дверью звучали голоса.

Я подняла руку, чтобы постучать, но услышала Даниила:

— Я сказал, что мы справимся без вашей помощи.

В ответ прозвучал другой голос — низкий, спокойный. Я заглянула внутрь и застыла. У окна стоял Марк Вольский, без пиджака, с закатанными рукавами рубашки. Университетская строгость никуда не исчезла, но здесь он выглядел иначе — не преподавателем, а человеком, который приехал потребовать ответы. И которого, судя по лицу Даниила, совсем не ждали.

Марк первым заметил меня. Взгляд задержался на моей рабочей куртке, бейдже, собранных волосах.

— Алина Сергеевна.

Он произнёс моё имя так ровно, что я не поняла, почему от этих двух слов захотелось поправить воротник.

— Марк Андреевич, — ответила я.

Даниил нахмурился.

— Я сегодня имел удовольствие познакомиться с вашей сотрудницей.

Вольский шагнул ближе.

— Алина Сергеевна оказалась весьма способной студенткой, — продолжил Марк.

— Алина вообще очень способная, — сухо ответил Даниил.

Мужчины переглянулись. Даниил выпрямился, а Вольский даже не изменил позы. Мне вдруг показалось, что здесь был спор, к которому я опоздала не на пять минут, а на несколько лет. И оба уже знали его настоящую цену.

— Не сомневаюсь, — произнёс Марк.

Марк взял со стула пиджак и надел его. Я пыталась понять, что он делает в кабинете моего начальника в восемь вечера.

— Марк Андреевич, — холодно сказал Даниил, — думаю, мы закончили.

Вольский застегнул пиджак.

— На сегодня — да.

Затем посмотрел на меня.

— Соколова.

Ну конечно. Сейчас снова вспомнит опоздание.

— Завтра лабораторная работа. В девять ноль-ноль.

— Я видела расписание.

— Надеюсь, на этот раз вы успеете не только увидеть его, но и воспользоваться полученной информацией.

Я стиснула зубы.

— Постараюсь вас не разочаровать.

— Не советую.

Он остановился чуть ближе. Дистанцию не нарушил, но весь его вид говорил, что уступать он не привык.

— У меня высокие требования, Алина Сергеевна.

Я подняла подбородок.

— А у меня, Марк Андреевич, достаточно способностей, чтобы им соответствовать.

На губах Вольского появилась короткая улыбка.

— Вот это, — тихо произнёс он, — мы обязательно проверим.

Он прошёл мимо, оставив лёгкий запах парфюма. Уже у двери оглянулся. Я успела встретиться с его взглядом — спокойным, внимательным, почти вызывающим. В нём было что-то, чего я пока не умела назвать. Марк вышел, и тишина в кабинете сразу стала другой.

Даниил смотрел на меня так, словно только что увидел, как я добровольно подошла к неисправному оборудованию.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

— Дань.

Даниил помедлил.

— Ты ведь понимаешь, что этот человек не так прост, как кажется?

Я усмехнулась.

— Мне кажется, он самовлюблённый тиран с непомерным самомнением.

Даниил не улыбнулся.

— И это далеко не самое страшное в нём, Алина.

Он говорил непривычно серьёзно.

— Послушай меня внимательно.

— Слушаю.

— Я не знаю, зачем Вольский согласился преподавать в вашем университете. И понятия не имею, почему его заинтересовала именно ты.

Я нахмурилась.

— В каком смысле заинтересовала?

— В самом прямом.

— Дань, он мой преподаватель.

— Именно.

Он провёл ладонью по волосам.

— Просто держись от него подальше.

Я нервно рассмеялась.

— Что?

— Ты меня услышала.

— Да, но не поняла. Это что, распоряжение начальника?

— Нет.

— Это просьба человека, которому ты небезразлична.

Я замолчала. Даниил никогда раньше не говорил о своих чувствах настолько прямо. Ещё несколько минут назад мы шутили над кофе и отчётами, а теперь он стоял передо мной совершенно серьёзный. Я не представляла, как ответить так, чтобы не сделать ему больно.

— Дань…

— Не надо, — мягко остановил он меня. — Не сейчас.

— Просто обещай, что не будешь ему доверять.

— Почему?

Даниил промолчал.

— Ты ведь его знаешь, да?

— Давно?

Он посмотрел на закрытую дверь. И произнёс:

— Достаточно давно, чтобы понимать, на что он способен.

Я похолодела.

— На что именно?

Он смотрел на меня без тени привычной насмешки. Пальцы Даниила неподвижно лежали на краю стола; он даже не тянулся за сигаретами, как бывало, когда злился. Кажется, впервые я увидела в нём настоящий страх.

— Алина, — сказал он тихо, — если Вольский чего-то хочет, он редко останавливается, пока не получит своё.

Я уже хотела напомнить, что знакома с Вольским меньше суток и единственное его требование ко мне — не опаздывать. Но Даниил не дал вставить слово.

— И больше всего я боюсь, что на этот раз он решил получить то, что ему не принадлежит.

За окнами темнело. Утром я думала, что худшее за день — пять минут опоздания и новый преподаватель. Теперь пришлось задаться другим вопросом: что, если Марк Вольский появился в моей жизни не случайно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.